

С.В. Медведев

АНОНИМНЫЕ ПИСЬМА
В МОСКОВСКИЕ ПОЛИЦЕЙСКИЕ УЧРЕЖДЕНИЯ:
ДОНОСЫ О ПРОТИВОПРАВительСТВЕННОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И УГРОЗЫ ВЛАСТЯМ
(1903–1907 гг.)

В статье анализируются анонимные донесения, отправленные в Московское охранное отделение и Канцелярию московского обер-полицейстера в течение 1903–1907 гг. В центре внимания автора – письма с угрозами в адрес руководителей московской полиции, послания, разоблачающие революционеров, а также наветы обывателей друг на друга. Автор приходит к выводу о недостаточном внимании политической полиции к анонимным донесениям.

Ключевые слова: Революция 1905 г., полиция, политическая полиция, Московское охранное отделение, революционная деятельность, анонимный донос, Д.Ф. Трепов, С.В. Зубатов.

Деятельность Московского охранного отделения, подчиненного Департаменту полиции Министерства внутренних дел, неоднократно становилась объектом изучения отечественных историков. Только в последние годы были изданы обобщающие исследования Ю.Ф. Овченко, А.Ю. Дунаевой, С.Н. Жарова, В.С. Измозика, где рассмотрены вопросы структуры учреждений политического сыска, кадрового состава, перлюстрации, методов борьбы с революционным движением¹. В то же время вопрос о количестве и информативности анонимных доносов, поступающих в политическую полицию, до сих пор не получил подобающего освещения, несмотря на то, что ГА РФ хранит богатейшую коллекцию рукописных и печатных эпистол обывателей первых лет XX столетия, пожелавших остаться неизвестными. Это касается и анонимия, поступавших в канцелярию Московского обер-полицейстера.

Сохранившийся в фонде МОО ГА РФ корпус анонимных обращений на имя чиновников московской полиции предоставляет разнообразную информацию для анализа общественных настроений накануне и во время Первой революции в России. Фонд 63 содержит донесения 1903, 1904 и 1907 годов, отсутствуют анонимки за 1905 и 1906 гг., периода наибольшего развития революционных событий в стране. Авторами рукописных обращений зачастую являлись среднестатистические обыватели разных политических взглядов: некоторым из них хватало начальных навыков письменной речи для того, чтобы выразить протест или поделиться подозрением в отношении революционно настроенных граждан. Анонимки писали и те, кто симпатизировал революции; в этом случае обращения имели характер личных угроз по отношению к власти имущим, виновных, по их мнению, в тяготах русского народа.

Доносы различались не только по содержанию, но и по объему, причем самыми распространенными можно признать лаконичные, буквально в одно предложение, сообщения с призывом задержать того или иного «крамольника»: «Прошу вас немедленно накрыть курсистку Иванову, пока не поздно. Найдете нечто важное»². Подобные «информативные» письма, конечно, не могли заинтересовать Московское охранное отделение, доказательством чего является отсутствие резолюций и распоряжений, свидетельствующих об оперативных действиях в отношении некоей Ивановой.

Более развернутые, но также лишённые конкретики донесения не могли претендовать на реакцию со стороны охранных отделений. «Честь имею донести Вашему Высокоородию о том, что мною заподозрен содержатель аптекарского магазина Евгений Васильевич Дудкевич в социал-демократических намерениях. Насколько вышеизложенное мной подозрение верно, прошу покорнейше проверить, сделав надлежащее по сему делу зависящее от Вас распоряжение»³. «Социал-демократические намерения» могли заключаться в чем угодно: личном нерасположении автора анонимки, конкуренции в аптекарском бизнесе или банальным сведением счетов. Обвинения в социал-демократических взглядах было общим местом для анонимных донесений первых лет XX столетия. В сочувствии революции обвиняли воров, проституток и прочих асоциальных персонажей, не вписывающихся в традиционно понимаемое общество.

Нередко обер-полицмейстер, пересылавший анонимные донесения в Московское охранное отделение, получал письма от коллективов разнообразных учреждений. Так, в 1904 г. на имя Д.Ф. Трепова пришло очень спешное городское письмо из Боль-

шого Императорского театра. Обеспокоенные администраторы или актеры утверждали, что полицмейстер театра предупредил всех служащих о группе лиц, намеревающихся сорвать постановку. Реакция самого театрального полицмейстера, сообщившего эту новость, была, по меньшей мере, странной: «...В случае, если будут кричать пожар, то чтобы они не обращали внимание. Даже предполагает сделать распоряжение, чтобы во время антракта был поднят занавес и тем успокоить публику, что никакого пожара в театре нет». Далее следовал вывод о злокозненности распоряжения театральной полицейской службы: «Собираются кричать пожар для беспорядка и чтобы в толпе грабить»⁴. В этом письме странно все: каким образом можно было обвинять театрального полицмейстера в сочувствии вора, если он сам же оповестил служащих театра о готовящихся беспорядках? Что заставило составителей послания предполагать о том, что в полиции дадут навету ход? Так как никакой дополнительной информации о письме найти не удалось, можно попытаться объяснить его происками революционной молодежи, заинтересованной в срыве массовых предприятий.

Интереснейшее письмо обер-полицейстер Д.Ф. Трепов получил от Общества московских торговцев телеграммами. Это общество примечательно уже тем, что в отличие от многих других, его членами являлись «бедняки неимущие, ни квартиры ни одежды», которым «случалось голодать по целым суткам». Единственной надеждой для неимущих являлся выпуск телеграмм, от продажи коих общество улучшало финансовое положение. «Но вот опять несчастье: вышло будто бы разрешение от Вашего Превосходительства, чтобы нас ловили как собак, если есть у попавшего 20 копеек, то приходится дать городовому, а он разорвет телеграммы и можешь идти без денег и телеграмм»⁵. По закону жанра подобных прошений, в первой половине следовало перечисление тягот и бедствий, сравнения с прошлой, гораздо лучшей жизнью, а во второй, заключительной, плавный переход к угрозам в адрес властей прередающих. «Просить я никогда не просил, и совести не хватает, воровать у меня и мысли не было... В Москве занимается торговлей телеграммами десять тысяч, в каждом человеке, вы, Ваше Превосходительство, находите себе врага... Постигла участь городского головы Алексева, Министров Боголепова и Сиягина, и Вас тоже может постигнуть то же самое. Из нашего общества нам каждому жизнь не дорога, но Вы, Ваше Превосходительство, поберегите себя для процветания Москвы и дозвоьте нам торговать по-прежнему телеграммами»⁶.

В деле анонимок за 1904 г. сохранилось формально не анонимное письмо от некоей княгини Н.А. Трубецкой, адресованное

К.П. Победоносцеву. Поручиться за то, что автором письма была Трубецкая, нельзя, так как стилистически окрашенное в тона грубой простонародной брани, оно обвиняло во всех бедах чиновника, не занимавшего лидирующих позиций в правительственном аппарате империи: «Полагаю Вам следовало бы приехать в Москву послушать, как костят наш милый режим, нашу дипломатию, проморгавшую, как японцы усиленно, на виду всей Европы, готовились к войне с Россией целых 8 лет, вследствие чего мы очутились неподготовленными и по милости Его величества и сволочной К-О (Вы и прочие) теперь льется русская кровь несчастных воинов. Бедная Россия! Когда только избавится она от той саранчи, называемой Императорским Домом и его прихвостниками?»⁷.

Целью письма «Трубецкой» могла быть попытка запугивания престарелого сановника, пережившего покушение в 1901 г. Содержательно похожее обращение было написано в Московское охранное отделение человеком с распространенным псевдонимом «Русский». Ценность письма, лишенного четкой структуры и здравого смысла, заключается в том, что оно демонстрирует фривольность нравов и распушенность оппозиционной части населения, не останавливавшегося перед отправкой в полицию откровенно цензурных посланий. Из-за неразборчивости почерка «Русского» процитировать письмо полностью не представляется возможным, однако такие речевые обороты, как «прохвосты», «мерзкий нос», «гнилые мозги», «уснувшая совесть», «еб...тское самодержавие», «Россия царями русскими засрана», «великое национальное дело уничтожения этой саранчи»⁸, достаточно полно характеризуют настроение и развитие автора.

Традиционно каждый год московская охранка получала письма о неподобающих порядках, царящих в учебных заведениях. Наряду с обвинениями одних студентов в активном членстве в подпольных организациях, а других в злоупотреблениях сотрудничеством с полицией, подозрение вызывали и преподаватели. Иногда бдительность проявляли родители студентов: «Мой старший сын Иоанн был на экзамене в Техническом Училище, в два часа дня он пришел и рассказал мне и моему мужу, что на столе лежит бумага революционного комитета, в которой напечатано восхваление убийце, убившему министра Плеве»⁹.

Описанная ситуация довольно тривиальна для учебных заведений Москвы предреволюционного периода, в связи с чем Московское охранное отделение занималось контролем за внеучебной активностью студенчества¹⁰. Жалобы на студентов соседствовали в доносах с опасениями за деятельность последователей

Л.Н. Толстого, уже при жизни писателя объединявшихся в кружки и общины. Нередко авторы обращений в полицию наделяли фантастическими возможностями описываемых антагонистов монархии: «На фабрике Прохоровской... официально они себя называют толстовцами, то есть в отношении религии православия полное безверие... в сущности же шовинизм, антиправительственная и религиозная пропаганда... они говорят, что при помощи и студентов и англо-еврейских денег у нас скоро будет республика и московская полиция в их руках и проч.»¹¹. Для убедительности переданной информации автор доноса приводил название оппозиционной группы – «Партия крамолы».

Такая же странная, удивительная по своей неправдоподобности история якобы произошла на печально известном заводе Гужона у Рогожской заставы. Еще в 1902 г. ее французский владелец Юлий Гужон писал гневные письма во все инстанции, жалуясь на деятельность агентов тогдашнего начальника Московского охранного отделения С.В. Зубатова, склоняющих рабочих к забастовкам, а уже в октябре 1904 г., по свидетельствам анонимного информатора, на заводе вольготно чувствовали себя революционно настроенные мастера: «Мастер, зазывая рабочих по одному к себе в контору, под угрозой расчета, заставляет раскидывать прокламации по поводу войны и другие нелегальные брошюры»¹². С другой стороны, коллективные обращения рабочих рисовали административный произвол, царящий на фабриках: «10 числа сего года хожалый спальни фабрики Шредер с помощью сторожей отправил в участок ткачей Ивана Васильева и его брата Павла Васильева, а также и жен их, причем они говорят далее, что сторожа и дворники сильно били их... По словам ткачей, отправили в их участок за то, что между ними произошел крупный разговор... Ведя в участок, дворник держал Ивана Васильева за горло, а городской сорвал часовую цепь у него...»¹³. Похожее обращение было отправлено с фабрики Бутюгиной: «...Нас не выпускают за ворота в свободное от работы время, а перерыва на обед совершенно не полагается...»¹⁴.

Особую группу анонимных обращений составляют письма, написанные с целью угроз тем или иным сановникам. Подобные письма тщательно прорабатывались полицией, по ним шла переписка, разрабатывались оперативные действия. Осенью 1904 г. на имя киевского, подольского, волынского генерал-губернатора генерал-адъютанта Н.В. Клейгельса пришло анонимное письмо, оскорбительное по отношению к министру юстиции Н.В. Муравьеву. Так как письмо содержало московский штемпель, Департамент полиции переслал его в Московское охранное

отделение с просьбой выявить составителей дерзкого послания. Злокозненная депеша, как и многие подобные ей, была составлена в ехидно-издевательском тоне: «Вся Москва, взволнованная происшедшим покушением на драгоценную жизнь Вашу и помня Вашу плодотворную деятельность в качестве Прокурора Московской Судебной Палаты, проявленную Вами в бытность Вашу в Первопрестольной столице, спешим выразить Вам, Ваше Превосходительство, свои сердечные поздравления по поводу чудесного избавления Вашего от смерти».

Уже с первого предложения всем читающим было ясно, что лживый, льстиво-угодливый тон записки предвещает дальнейшие злобные угрозы обуреваемых жаждой мести составителей. Попутно упражнявшись в эзоповых восхвалениях министра юстиции («бескорыстные труды по усовершенствованию отечественного правосудия, идеал министра, посвятившего свою жизнь на привитие народу правосознания»), анонимы переходили к сути претензий, к перечислению дел, по которым был осуществлен «кривой суд»: «Как пример, можем указать на дело генерала Гартунга, Золотовой, Баранцевича, а также и Кишиневское. В последнем христиане оказались виновными в покушении на них евреев, убитые же христиане оказались жертвами же христиан, а не жидов, зато Вы и Давыдов деньгами убийц христиан заплатили Ваши долги».

Некоторые из перечисленных дел относились по времени к занятию Н.В. Муравьевым должности товарища прокурора Московского окружного суда, а, в частности, дело генерала Гартунга слушалось в октябре 1877 г. Генерал-майор Леонид Николаевич Гартунг обвинялся в присвоении векселей и различных документов, оставшихся после смерти купца 1-й гильдии Василия Карловича Занфтлебена. Авторов анонимки явно не интересовало то, что, скорее всего, усопший по национальности был немцем, а не евреем; дополнительный резонанс делу придавал факт самоубийства Гартунга прямо на судебном заседании. Суицид обвиняемого, в восприятии незнакомых с обстоятельствами дела обывателей, автоматически причислял его к невиновным, а вся ответственность возлагалась на обвинителя Муравьева. Расследование кишиневских событий 1903 г. и арест активистов антиеврейских погромов также признавался виной министра юстиции: «Читая же теперь о даровании евреям льгот, нам невольно приходится углубиться в сущность Кишиневского дела, и теперь нам только стало ясно, как искусно умеете вы делать из правды неправду, ради любостыжания Вашего». Раз, по мнению авторов письма, Муравьев небескорыстно сочувствовал евреям, он достаивался и облыжных обвинений в

неприкрытой коррупции: «Вас во всякое время можно купить за 1000 рублей и дешевле».

Дальнейшее содержание письма настолько оскорбительно, что для его получателя, адресата и полиции становилось делом чести поймать его составителей. «Первую оценку Вашим богоугодным делам и вместе с тем воздаяние за них воздал иностранец, посадив на Вашу физиономию – ни для чего более не пригодную – плевков, вторую – Ваш единоплеменник, как человек по природе более щедрый экономного немца, всего расчетливее русского, послав по тому же адресу сверток “ГОВНА” [Слово выделено в тексте. – С. М.]. Достойное – достойному: “ГОВНУ – ГОВНО”».

Помимо министра юстиции Муравьева, письмо явно адресовалось и самому императору Николаю II, сомнений в чем не оставалось после прочтения следующей фразы: «Итак, уже 10 лет Вы Самодержец, но не Помазанник, теперь же, наконец, сбылось веление Свыше: Вы помазаны на Свое царствование этим благовонным елеем, на станции Петергоф, в месяце июле, лето же от сотворения мира 7412»¹⁵.

Чуть более месяца Московское охранное отделение пыталось найти автора или авторов глупого и дерзкого письма. 24 ноября 1904 г. отчаявшийся начальник Московского охранного отделения подполковник В.В. Ратко отчитывался в Департамент полиции: «Выяснить автора дерзкого анонимного письма, направленного против министра юстиции, не представлялось возможным. При этом, однако, докладываю, что означенное письмо, не заключающее в себе ничего политического, не исходит от какой-либо местной революционной группы, а является выходкой какого-либо лица, принадлежащего к числу мелких служащих по Судебному ведомству»¹⁶. Примечательно, что охранка, в лице своего начальника, отказывалась продолжать дальнейшие поиски злоумышленника только лишь потому, что он не был связан с объединенными революционными группами.

За несколько месяцев до революции, в условиях участвовавших террористических актов против чиновников различных рангов, был грубо оскорблен один из министров Российской империи, а политическая полиция крупнейшего города страны не видела в этом акте ничего политического! Расследование – неизвестно, насколько тщательное, – длилось всего несколько недель, и было остановлено под предлогом бездоказательного предположения, что преступник в революционном обществе не состоял.

Нагнать страх должны были угрозы в адрес генерал-губернатора Москвы вел. кн. Сергея Александровича, погибшего 4 февраля

1905 г. в результате взрыва брошенной И. Каляевым бомбы. В фонде Московского охранного отделения хранятся подобные анонимные письма за 1902, 1903, 1904 гг.

В одном из них, за 1904 г., детально описывается внутренний состав взрывчатого вещества и план убийства великого князя. «Сергея, здравствуй! [Следующая фраза неразборчива. – С. М.]. Всего заговорщиков 15 человек, в числе которых нахожусь и я. Смерть ты получишь от взрыва динамита, наполненного в особый чугунный шар, который снабжен электрическим аппаратом. Шар очень удобен для взрыва тем более, что пристроенный к нему аппарат дает возможность быстро двигаться в желаемую сторону»¹⁷. Неправдоподобность описания взрывного устройства восполнялась частыми террористическими актами, совершаемыми в отношении министров и чиновников Российской империи. О том, что «шар» может быть направлен в разные стороны, в анонимном письме говорится не один раз, чтобы усилить впечатление неотвратимости наказания великого князя. Подобную же цель имели слова неизвестного о том, что самодельная конструкция была подвергнута неоднократным испытаниям, которые «дали очень хорошие результаты». Увлекаясь описанием, аноним излагает совсем уж фантастические особенности взрывного агрегата: «...Благодаря аппарату, нельзя отыскать, откуда был пущен шар. Устройство электрошины взято от автомобиля, но только разница в том, что автомобиль без человека не может идти, хотя и может, но только не долго, иначе он на что-нибудь наткнется, но шар, стоя на месте, можно направлять в желаемую сторону». Описание самого взрыва напоминает незатейливые сведения, почерпнутые из учебной книги по физике: «Взрыв происходит от нажатия в аппарате кнопки, от которой по проводнику ток идет прямо в шар. Ток, дойдя до резервуара, переходит на металлический шпиль и вмиг его раскаляет, после чего шпиль начинает метать искры в узкое отверстие и происходит взрыв»¹⁸.

Вторая часть послания посвящена обзору причин, подтолкнувших автора или авторов лишить члена августейшей семьи жизни. Подробное перечисление тягот беднейшего крестьянства, боготворившего своих «прежних благодетелей», обвинения вел. кн. Сергея Александровича в нерадении об их нуждах и непредставлении их челобитных царю, к которому он был «более доступен», избличают в анонимных судьях лиц, близких к партии социалистов-революционеров. Характерной чертой анонимки можно считать искусственное разочарование в якобы прежде горячих монархических чувствах составителей письма. В послании прямо указывается на то, что если ранее властители вели жизнь святую, распространяя на

всех подданных государственное благо, то современные правители «преданы отцу Вашему. Ибо Господь говорит: Всяк ненавидящий брата есть сын д...». Удивительная стыдливость «революционеров от крестьянства», не решившихся написать полностью наименование врага рода человеческого, и цитаты из Священного Писания могут также свидетельствовать об их желании выдать себя за представителей сельской общественности. В полном соответствии с известной двойственностью – цитаты из Евангелия соседствуют с желанием убить человека – потенциальные террористы, с одной стороны, расписываются в верности идеалам социализма, а с другой – демонстрируют своеобразное человеколюбие: «Все ваши доходы будут в наших руках. Уже давно бы мы всех вас перебили, но только жалели невинных детей и жен, которыми вы все, без исключения, очень богаты». Наконец, заключительная фраза письма содержала в себе не менее серьезную угрозу для монархии: «Поляки готовы крестьянам помочь»¹⁹.

Анонимные донесения за 1907 г. отразили беспокойство обывателей в связи с продолжающейся революцией. Письма в Московское охранное отделение изобилуют подозрительностью, вызванной не затихающей охотой на революционеров. Так, 10 апреля 1907 г. некий А. Воскресенский (фамилия, вероятно, вымышленна) предупреждал полицию о том, что «книгопродавец Николаев, торгующий по Никольской улице, в здании Городской Управы, что вплотную к Владимирским воротам, торгует революционной запрещенной литературой. Журнал “Былое” за март месяц сего года, который был запрещен, стоит даже в окне»²⁰. Объяснить тот факт, что после двух лет революции в центре города выставлялись запрещенные журналы, представляется затруднительным. Возможно, некоторые нижние чины московской полиции сочувствовали целям революционеров или просто не хотели лишиться раз рисковать своей головой, что вполне объясняется униженно скудным жалованьем и плохим, давно устаревшим вооружением²¹.

Похожее письмо, окрашенное в тона подозрительности, было написано анонимом, представившимся «Черносотенцем» в декабре 1906 г. Содержание послания живописует подробности ежедневной революционной борьбы: «Вы обыскивали Строгановское училище на Мясницкой улице, но ничего не нашли – а они опять все вооружены. Когда вы обыскивали помещение, то накануне этого дня они зарывали в землю финские ножи, пики, выломанные из ставен, самодельные кинжалы, патроны, зашивали в подушки револьверы, зашивали в перины ружья. Прошу, пожалуйста, общите их еще, так, чтобы неожиданно»²². «Черносотенец», не обвиняя прямо,

указывает на неспособность полиции осуществить квалифицированный обыск, найти спрятанное в койках оружие. Из-за профессиональной недобросовестности чинов политической полиции власть никак не могла искоренить революционное движение в студенческой среде – такой вывод напрашивается после прочтения анонимки радетеля самодержавия насчет «благонамеренности» учащихся Строгановского училища.

Недовольство полицией – довольно общее место для анонимных посланий первых лет XX столетия, однако в 1907 г. градус возмущения существенно поднялся. Некоторым обеспокоенным горожанам буквально мерещились повсюду революционеры: «Удивляюсь, чем занимаются агенты полиции – у них под самым носом вертятся люди, которые так много причиняют другим всякой подлости. Укажу вам двоих: В.С. Краева и его любовница Л.М. Чуракова. Эту пару я знаю давно – разыскиваю [В этом слове автор явно не дописал букву «т». – С. М.] как по политическим, так и по уголовным делам. Я же их встречаю чутьли не в каждом городе, где я бываю. Видно эту пару в Козлове, Томске, Туле, Пензе, Нижнем, Самаре, Саратове, Симбирске, Сызрани, Тамбове, несколько раз в Москве. Вчера я только возвратился из Казани и там эту пару встретил. Первый приобрел себе студенческую форму и занимается агентурой от фирмы Ундервуд и стереоскопическими снимками, а вторая проживает вместе с Краевым под чужим именем – состоит в партии с-р»²³. Удивительно, но факт: Московское охранное отделение запросило Адресный стол прислать все мужские и женские листки на фамилию Краев. И получило в ответ информацию о том, что «Краев Владимир Семенович, 30 л, Елизаветградский мещанин, Херсонской губернии, жил по 12 апреля 1906 года по Малому Палашевскому переулку, выбыл в Тверь». Полицию не смущали ни претензии на самостоятельные сыскные действия никем не уполномоченного автора анонимки, ни поразительная способность ездить по всей стране и видеть одних и тех же подозрительных личностей, переодетых и выдающих себя за других персон.

В 1907 г. сохранялась опасность и для официальных учреждений, в частности для сберегательных касс. В 12-м отделении Московской государственной сберегательной кассы, находившемся на Кудринской площади, в доме Салтыкова, были обнаружены подметные письма с угрозами и рисунками могил с датой смерти их потенциальных обитателей. Испуганные служащие банка могли прочитать текстовое приложение к рисункам: «Сим предупреждаются обитатели дома, что сберегательная касса будет взорвана бомбами ужасной силы»²⁴.

Подобные «черные метки» нередко оставляли представители активизировавшихся в течение революции групп анархистов и эсеров-максималистов. В частности, московские анархисты приговорили к смерти представителя администрации Московской центральной пересыльной тюрьмы: «...Вы, Помощник Начальника Московской Центральной Пересыльной тюрьмы, поручик Гартштейн приговорены к смерти за то, 1) во-первых, что подписали исполнение приговора над Исправляющим должность Начальника сей же тюрьмы Богрецовым. 2) за издевательство над вверенной Вам арестованной Фрумы Фрумкиной и в 3) за жестокое обращение с политическими арестованными (крепостниками)»²⁵.

Анонимные обращения в Московское охранное отделение накануне и в течение Первой революции в России передают настроения идейно противоположных общественных слоев Российской империи. Если представители революционных групп и объединений стремились затруднить работу полиции угрозами, дезинформационными сообщениями и «приговорами», отвлекая на подметные письма часть розыскного потенциала отделения, то проанархически настроенные обыватели, обуреваемые подчас не связанными с реальностью фобиями, усердно искали крамольников, указывая на людей, никакого отношения к подпольным кружкам не имеющих. Революционеров и их противников объединяло одно: те и другие нещадно критиковали полицию, иногда откровенно смеясь над их промахами в деле политического розыска.

Примечания

- ¹ Дунаева А.Ю. Реформы полиции в России начала XX века и В.Ф. Джунковский. М., 2012; Жаров С.Н. История оперативно-розыскной деятельности и ее правового регулирования в России. Челябинск, 2008; Измозик В.С. Служба перлюстрации и вольная русская печать: середина XIX века – 1917 год. СПб., 2008; Овченко Ю.Ф. Провокация на службе охраны // Новый исторический вестник. 2003. № 1 (9). С. 28–45; Он же. Московская охранка на рубеже веков: 1880–1904 гг. М., 2010; Он же. Безопасность империи. М., 2012.
- ² Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 63. Оп. 24. Д. 44. Л. 117.
- ³ Там же. Л. 124.
- ⁴ Там же. Л. 8–9.
- ⁵ Там же. Л. 136.
- ⁶ Там же. Л. 135–136.
- ⁷ Там же. Л. 223.

- ⁸ Там же. Л. 224.
- ⁹ Там же. Л. 304.
- ¹⁰ Там же. Оп. 1907. Д. 44. Л. 37.
- ¹¹ Там же. Оп. 24. Д. 44. Л. 382.
- ¹² Там же. Л. 389.
- ¹³ Там же. Оп. 1903. Д. 32. Л. 40.
- ¹⁴ Там же. Л. 49.
- ¹⁵ Там же. Оп. 24. Д. 44. Л. 348.
- ¹⁶ Там же. Л. 421.
- ¹⁷ Там же. Л. 318.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Там же. Л. 313.
- ²⁰ Там же. Оп. 1907. Д. 44. Л. 15.
- ²¹ *Дунаева А.Ю.* Полиция Московской губернии в начале XX в.: условия службы и материальное положение // Новый исторический вестник. 2009. № 1 (19). С. 80–86.
- ²² ГА РФ. Ф. 63. Оп. 1907. Д. 44. Л. 13.
- ²³ Там же. Л. 15–16.
- ²⁴ Там же. Л. 257.
- ²⁵ Там же. Л. 304.